

Азикова Юзанна Мартиновна

**ХАСА И КОРПОРАТИВНАЯ ОСНОВА ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ КНЯЖЕСКОЙ ВЛАСТИ В
ТРАДИЦИОННОМ КАБАРДИНСКОМ ОБЩЕСТВЕ**

Статья раскрывает базовые характеристики одного из властных институтов традиционного кабардинского общества - хасы, в работе которой реализуется верховная княжеская власть. Основное внимание в работе автор акцентирует на сословно-корпоративном характере существования и действия настоящего института.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/7-1/1.html

Источник

**Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и
искусствоведение. Вопросы теории и практики**

Тамбов: Грамота, 2011. № 7 (13): в 3-х ч. Ч. I. С. 10-13. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/7-1/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 94(470.64)

Статья раскрывает базовые характеристики одного из властных институтов традиционного кабардинского общества – хасы, в работе которой реализуется верховная княжеская власть. Основное внимание в работе автор акцентирует на сословно-корпоративном характере существования и действия настоящего института.

Ключевые слова и фразы: Кабарда; княжеская власть; корпоративность; хаса; идеологический конструкт; совет; палата.

Юзанна Мартиновна Азикова

Кафедра истории России

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х. М. Бербекова

azik-uu.84@mail.ru

ХАСА И КОРПОРАТИВНАЯ ОСНОВА ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ КНЯЖЕСКОЙ ВЛАСТИ В ТРАДИЦИОННОМ КАБАРДИНСКОМ ОБЩЕСТВЕ[©]

Статья подготовлена в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 годы.

Перефразируя слова выдающегося медиевиста А. Я. Гуревича о средневековом корпоративизме [2, с. 171], отметим, что система власти традиционного кабардинского общества корпоративна сверху донизу. С одной стороны, невозможно не заметить положение вещей, связанное с наличием в кабардинском обществе феодальной иерархии и ступенчатого соподчинения всех слоев общества, когда нижнее сословие находится в политической и экономической зависимости от стоящего выше сословия (вертикальные связи). С другой стороны, в Кабарде существовали различные группы населения, объединенные фактом принадлежности к той или иной корпорации, в рамках которой они обладали одинаковыми правами и обязанностями (горизонтальные связи). Придерживаясь точки зрения отдельных политантропологов, отметим, что государство – это не просто набор политических институтов, а тип общества, которому соответствует данный набор институтов [16, р. 19]. И исследование такого политического института традиционной Кабарды, как *хаса*, в рамках настоящей статьи будет отталкиваться от данного определения. В связи с этим целесообразно принять во внимание то, что форма существования и действия обозначенного института определялась типом социальных связей и отношений, господствовавших в управляющей подсистеме традиционного кабардинского общества. Во-первых, это феодальные связи; во-вторых, глубоко укорененные в Кабарде связи, присущие родовому строю, неповторимое сочетание которых определило специфику протекания политического процесса рассматриваемой общности. Учитывая, что предметом настоящего исследования является княжеская группа, обозначим, что в традиционной Кабарде, подобно раннефеодальному государству франков, наблюдается непереносное соучастие всех наличных братьев в управлении страной (*corpus fratrum*). Данный феномен может быть связан с изначальным представлением о сакральной природе власти, рассматривавшейся как собственность правящего рода [8, с. 150-151].

Чуть ли не в каждом источнике, описывающем статус кабардинских князей, присутствуют данные об инородном или божественном происхождении их властного статуса. Кабардинские князья выводили свое происхождение от правителей Египта, Аравии и т.д., в то время как кумыкские бии пытались доказать свой высокий статус родственными связями с шамхалом Тарковским и кабардинскими пши [11, с. 77-78]. В соответствии с легендой, в княжеской Кабарде все владельческие династии возводили себя к общим предкам, и княжеская каста, таким образом, представлялась единым кланом, в рамках которого выделялись ответвления-династии. Общим предком этого клана являлся легендарный Инал [14, с. 43].

Утверждение ислама среди кабардинцев способствовало дополнению аравийской генеалогии княжеского рода информацией о принадлежности Инала к арабскому племени курейшитов, к которому принадлежал и пророк Мухаммед [Там же, с. 44].

В периоды возникновения монархий бытование такого рода преданий не было редким явлением. Легенда о родственных связях княжеских фамилий с аравийскими правителями и о наличии единого предка Инала являлась идеологическим конструктом, обосновывавшим властный статус кабардинских князей (и, соответственно, законность их нахождения на вершине властной пирамиды). С другой стороны, данная легенда являлась идеологическим руководством для самих князей в деле упорядочения осуществления ими властных полномочий и фактором их уравнивания в рамках княжеской корпорации.

Аналогичная ситуация наблюдается и в раннесредневековых государствах Европы. «Во главе каждого из них стоял целый царский род». У франков это были Меровинги, у готов – Амалы, у древних скандинавов – Инглинги [7, с. 289], а на Руси – это Рюриковичи [8, с. 149]. Логично предположить, что подобная ситуация

в обозначенных политических общностях требовала наличия особого политического института, с помощью которого могла быть реализована власть «царского рода», «княжеского рода» или «княжеской касты».

В работе такого политического института, как хаса, наиболее полно иллюстрируется корпоративный характер реализации княжеской власти в Кабарде. Упоминание о наличии в Кабарде коллегиального органа, занимающегося избранием пши «на княжонье на большое», содержится в документации, относящейся к кабардино-русским отношениям XVI-XVII вв. [4]. Но наиболее развернутые сообщения, характеризующие функции и порядок работы хасы, содержатся в источниках XVIII-XIX вв.

Как свидетельствуют материалы источников [1, с. 177; 5, с. 360-361; 10, с. 73-74; 13, с. 30; 15, с. 132-133], управлением страной занимался некий коллегиальный орган, в обычное время состоящий из двух кругов. Первый круг составляли все представители различных княжеских фамилий Большой Кабарды (князья участвовали в работе хасы, образуя в ее составе своеобразную «палату монархов»), а второй – дворяне-владельцы деревень. В особых случаях приглашали «старшин черного народа». Но, скорее всего, дворяне не занимались принятием решений по управлению страной (не являлись последней инстанцией в принятии решений), а имели лишь совещательные голоса (хотя в отдельных случаях невозможно переоценить силу и значимость «совещательных голосов» влиятельнейших первостепенных дворян). Логично предположить, что крестьян приглашали на хасу для придания решениям последней «общенародного» характера, для навязывания общественному мнению положительного отношения к принятым решениям, для снискания поддержки всего общества в особых, даже экстремальных ситуациях и т.д.

Источники свидетельствуют о том, что палата урков (дворян) почти всегда соглашалась с мнением и решениями палаты пши, то есть противостояния и борьбы между палатами не наблюдалось. Нужно учитывать, что описываемый институт действовал в феодальном контексте, важнейшим атрибутом которого является служение вассала сеньору.

Реальное управление страной находилось в руках палаты, корпорации пши. И только несогласие на этом уровне могло прервать принятие того или иного решения. Полный сбор пши и их вассалов-урков номинально являлся условием достижения соглашения. Но в реальности достижение соглашения могло и не зависеть от полноты сбора пши и урков. По справедливому замечанию В. Х. Кажарова, «единогласие – идеальная норма, которая, как и все нормы, нарушалась». По мнению автора, кабардинская хаса не была знакома с правом вето, так как несогласие того или иного пши с «постановлениями общего собрания не только не отменяло их, но и часто усиливало их действие, объединяя против него остальных владельцев. На общекабардинской хасе единоличным правом отменить ее решения не обладал и старший удельный князь, который своим несогласием мог в конечном счете поставить себя вне закона, то есть в положение изгоя, или абрека. Больше того, правом вето не располагал и сам пшышхуэ [верховный князь], созывавший общекабардинские хасы и председательствовавший на них. Против него могли быть приняты такие же санкции, как и против удельных князей» [6, с. 252-253]. Но, как отмечает В. Х. Кажаров, «в сущности несогласие с решением общего собрания являлось в Кабарде антиобщественным поступком, тогда как право вето там, где оно существовало, – одним из способов ведения общественных дел» [Там же, с. 255]. Кабардинская хаса не могла быть знакома с правом вето, учитывая корпоративный характер княжеской группы. В данной ситуации следует констатировать абсолютную справедливость слов А. Я. Гуревича, иллюстрировавших корпоративный характер западноевропейского феодального общества, и по отношению к кабардинской хасе: *«Корпорация отвергает нетрадиционное поведение своих членов, расходящееся с принятым ею стандартом. Нарушители регламентов и кодексов осуждаются морально, наказываются, изгоняются из групп»* [2, с. 172].

В связи с этим под феодальной кабардинской хасой в рамках настоящей работы подразумевается коллегиальный орган управления, работающий от имени и одновременно в качестве корпорации сеньоров и их непосредственных подданных, подчинивших себе остальное население (сеньоры в данном случае – «братья»). И здесь не может быть и речи о жесткой централизации. В связи с этим встает вопрос о правомерности называть хасу сословно-представительным собранием.

В. Х. Кажаров определил «государственно-политический строй Кабарды в XVI-XVIII вв. как сословно-представительную монархию в форме федеративной княжеской республики».

В общеевропейском масштабе сословно-представительные монархии утверждались на *определенном этапе централизации* страны, когда не были до конца преодолены автономные права феодальных сеньоров, церкви, городских корпораций и т.д., а усиление власти королей основывалось на противоборстве сословий (монархи в данных ситуациях начинали выполнять функции высших арбитров). Они могли позволить себе опереться на возникшее третье сословие и противостоять автономистским настроениям феодальных сеньоров [3, с. 247, 294-296].

Материалы по политической истории Кабарды XVI-XVIII вв. свидетельствуют о том, что тут не идет речи ни о какой централизации. Не наблюдается и выполнение монархами-князьями функций арбитража в каких-либо масштабных социальных конфликтах рассматриваемых веков. Тем более что главные катаклизмы в общественно-политической сфере Кабарды XVI-XVIII вв. вызваны конфликтами между самими князьями. Не соглашаясь с выводом В. Х. Кажарова о том, что хаса – это сословно-представительное собрание, считаем обоснованным его заключение о том, что хаса обладала интегрирующими функциями [не централизующими] в условиях феодальной раздробленности, работала на поддержание равновесия в кабардинском обществе [6, с. 236] (учитывая, что равновесие в кабардинском обществе – это, в первую очередь, отсутствие конфликтов между самими князьями-монархами). Речь таким образом, идет не о сословном представительстве

в деле управления страной в централизующемся государстве, а о феодальном корпоративизме, исключаящем разночтения в мнениях и индивидуализм. Отсутствие жестких отношений господства и подчинения внутри группы (в данном случае княжеской) предопределяло необходимость единогласия в корпорации пши, где даже верховный князь являлся всего лишь «первым среди равных». Часто в источниках отмечается, что князья собирались обсудить тот или иной вопрос, посовещались несколько дней и разошлись, так и не приняв единого решения. А князья, не обладавшие силой в данный момент, старались держать свое мнение при себе, так как они боялись изгнания или убийства. Ш. Ногмов, описывая междоусобицы кабардинских князей и убийства наиболее сильными слабыми, пишет о таких прегрешениях последних, как *корыстолюбие, хищничество, злонамеренность, гордость по отношению к своему народу, грабеж и притеснение соседей (дружественных по отношению к одной из борющихся сторон) и т.д.* [10, с. 113-114, 134]. Княжеские междоусобицы происходили из-за несовпадения взглядов правителей Кабарды по тем или иным вопросам. И прерогативой победившей стороны являлось построение официальной «легенды» о *злонамеренности и корыстолюбии* поверженной стороны. Данные формулировки могли скрывать лишь позицию, отличную от соображений победителя и необязательно вредоносную.

Распределение властных полномочий между правителями нескольких уделов (в течение XVI-XVIII вв. их количество менялось) обусловило и форму существования хасы. Как отметила Е. Дж. Налоева, «ни один из... уделов в исследуемый период не мог узурпировать права остальных и забрать бразды правления в свои руки» [9, с. 79]. Как было отмечено выше, все кабардинские пши считались потомками одного правителя – Инала, то есть все пши в Кабарде были «братьями». Титул пши носили все родившиеся от равных браков. Именно корпорация пши управляла страной, и в ее коллективном лице была представлена монархическая власть в Кабарде. Такому положению вещей можно найти аналоги в истории многих общностей, в том числе и европейских.

В качестве примера проиллюстрируем ситуацию в Киевской Руси. По мнению А. Н. Полякова, «князь не только не был самодержцем... его настоящим монархом можно назвать с трудом. Князь управлял Русью не один. Он сам обладал властью лишь по причине принадлежности к определенному роду, и ему приходилось делиться ею не только с дружиной... но и с теми представителями своего рода, которые заявляли свои права на ее долю. В противном случае это приводило к войне...»

Если исходить исключительно из формы организации власти, древнерусские князья, конечно, монархи. Но при этом монархи, ограниченные княжеским родом, относительно которого великий киевский князь совсем не монарх, а старший в роду» [12, с. 67].

Таким образом, и в случае с Русью должен был существовать механизм стабилизации, который основывался бы на компромиссе правителей-братьев. Не останавливаясь подробнее на основных характеристиках Древнерусского государства, отметим только, что обозначенный механизм стабилизации никак нельзя назвать сословно-представительным собранием. Представляется, что ситуация с «правителями-братьями» в Древнерусском государстве напоминает ситуацию с «братьями-пши» в Кабарде.

В случае с Кабардой название данного коллегиального органа в разных источниках разное, но основные характеристики его функционирования в общем одинаковые, за исключением некоторых моментов. Зачастую дается достаточно четкое описание порядка деятельности данного института, то есть существует известный устойчивый порядок его действия (место сбора; сроки проведения собрания; вопросы, подлежащие обсуждению; диапазон властных полномочий и т.д.) [15, с. 132-139].

При этом важно отметить и тот факт, что князья участвовали в работе хасы, образуя в ее составе своеобразную «палату монархов». Именно «палата монархов» принимала решения. «Палата уорков» имела совещательные голоса. Если абстрагироваться от постоянных междоусобиц и рассматривать княжеский род кабардинских князей как единую управляющую структуру, источник верховной власти, то палата уорков напоминает «королевский совет», действовавший при монархах. В европейских странах королевские советы постепенно преобразовались в верхние палаты сословно-представительных органов. Говоря об отдельно взятом кабардинском уделе, можно согласиться с тем, что описываемые большие и малые советы являются аналогами европейских королевских советов.

Таким образом, хаса не имеет никакого отношения к народному собранию племенного общества и к совету старейшин, ограничивавшему власть вождя в вождестве (где отсутствует узаконенная власть, имеющая монополию на применение силы). Хаса – это институт, в котором происходит взаимодействие князей на официальном уровне, согласование их решений по управлению страной (не приуменьшая роли дворян-уорков различных степеней). Основные черты данного института предопределяются характеристиками социальной структуры феодального общества – «двумя взаимно противоречивыми, но функционально между собой связанными принципами организации: отношениями господства и подчинения и отношениями корпоративными» [2, с. 173].

Список литературы

1. Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. Нальчик: Эль-Фа, 1999. 223 с.
2. Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры [Электронный ресурс] // Библиотека Гумер. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Gurev/index.php (дата обращения: 25.02.2010).
3. История государства и права зарубежных стран: учебник для вузов: в 2-х ч. / под ред. О. А. Жидкова, Н. А. Крашенинниковой. М.: Норма, 2003. Ч. 1. 624 с.
4. Кабардино-русские отношения в XVI-XVIII веках: документы и материалы: в 2-х т. М.: АН СССР, 1957. Т. 1.

5. Там же. Т. 2.
6. Кажаров В. Х. Традиционные общественные институты Кабарды и их кризис в конце XVIII – первой половине XIX века. Нальчик: Эль-Фа, 1994. 438 с.
7. Кобищанов Ю. М. Полюдь: явление отечественной и всемирной истории. М.: Рос. полит. энциклопедия, 1995. 320 с.
8. Назаренко А. В. Родовой сюзеренитет Рюриковичей над Русью: X-XI вв. // Древнейшие государства на территории СССР. М.: Наука, 1986. С. 149-157.
9. Налоева Е. Ж. К вопросу о социальных отношениях в Кабарде в первой половине XVIII века // Вестник КБНИИ. Нальчик, 1968. Вып. 1. С. 61-81.
10. Ногмов Ш. История адыгейского народа. Нальчик: Эльбрус, 1994. 232 с.
11. О правах высших горских сословий в Кубанской и Терской областях: сборник документов по сословному праву народов Северного Кавказа: 1793-1897: в 2-х т. Нальчик: Эль-Фа, 2003. Т. 1.
12. Поляков А. Н. Древнерусская цивилизация: основы политического строя // Вопросы истории. 2005. № 3. С. 50-69.
13. Потоцкий Я. Путешествие в астраханские и кавказские степи: XVIII в. // Правовые нормы адыгов и балкаро-карачаевцев в XVI-XIX вв. Майкоп: Меоты, 1997. С. 30-31.
14. Сивер А. В. Державы князей: опыт сравнения княжеской Кабарды и Древней Руси // Исторический вестник. Нальчик: Эль-Фа, 2007. Вып. VI. С. 39-76.
15. Хан-Гирей. Записки о Черкесии. Нальчик: Эльбрус, 1978. 333 с.
16. Bondarenko D. M. Kinship, Territoriality and the Early State Lower Limit // Social Evolution and History. Thirty Years of Early State Research: special issue / ed. by H. J. M. Claessen, R. Hagesteijn, P. van de Velde. 2008. № 1. P. 19-53.

KHASA AND CORPORATE PRINCIPLES OF PRINCELY POWER IN TRADITIONAL KABARDIAN SOCIETY

Yuzanna Martinovna Azikova

Department of Russian History

Kabardino-Balkaria State University named after Kh. M. Berbekov

azik-uu.84@mail.ru

The author reveals the basic features of the traditional government institution of Kabardian society – Khasa - where sovereign princely power is realized and pays special attention to the estate and corporate nature of the institution existence and activity.

Key words and phrases: Kabarda; princely power; corporativity; Khasa; ideological construct; council; chamber.

УДК 930.1

Статья посвящена оценкам современных англоязычных авторов проблемы развития промышленности России в годы Первой мировой войны. Исследование содержит подробный анализ взглядов британских и американских историков, которые пытались выявить главные факторы в развитии промышленности различных стран, в том числе и России.

Ключевые слова и фразы: Первая мировая война; современная историография; Российская империя; промышленность; государственный заказ; транспортный кризис; топливный кризис.

Сергей Игоревич Белов

Кафедра истории России

Ивановский государственный университет

Belov2006S@yandex.ru

ПРОМЫШЛЕННОЕ РАЗВИТИЕ РОССИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В СОВРЕМЕННОЙ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ[©]

Первая мировая война вот уже почти сто лет является предметом исследования историков всего мира. Исследователи поднимают в своих работах такие вопросы, как ход военных действий, особенности политического и экономического развития воюющих стран, влияние этих факторов на исход войны и многое другое. Не остались в стороне и англо-американские ученые. Большой интерес к событиям войны с их стороны обусловлен, прежде всего, тем, что Англия и затем США принимали непосредственное участие в боевых действиях.

Из огромного количества работ, так или иначе затрагивающих Первую мировую войну, немногие специально посвящены экономической истории. В основном эти исследования отражают промышленное развитие Великобритании, Франции и США; значительное внимание уделено также экономике Германии как наиболее важного противника Антанты. В гораздо меньшей степени изучены экономические проблемы других союзников и противников.